

Н. С. МОЖЕЙКО

СЫН ТИХОГО ДОНА

(К 80-летию со дня рождения М. А. Шолохова)

Лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, писатель-академик, лауреат Нобелевской премии Михаил Александрович Шолохов родился 24 мая 1905 года на хуторе Кружилином станицы Вешенской, бывшей области Войска Донского. Мать его, Анастасия Даниловна (дочь крепостного), была человеком поэтической души, и именно от нее унаследовал сын безграничную любовь к родному краю, к своему народу, его песням и образному слову. Учился М. Шолохов, по его словам, «в разных гимназиях» до 1918 года, а во время гражданской войны «мыкался» по Донской земле, гонялся за бандами, работал в станичном ревкоме, был делопроизводителем, статистиком, участвовал в ликвидации неграмотности, работал продовольственным инспектором... А когда 17-летний Шолохов приехал в Москву и, не поступив на рабфак, пошел на биржу труда, то на вопрос о специальности ответил: продавец. Специальность эта тогда уже не была нужной. Несколько месяцев будущий писатель жил на скудную зарплату чернорабочего, был каменщиком, грузчиком, журналистом. Упорно занимался самообразованием.

Началом его литературной деятельности можно считать появление в «Юношеской правде» 19 сентября 1923 года фельетона «Испытание», подписанного М. Шолох. В 1924 году появляются один за другим рассказы, объединенные затем в сборник «Донские рассказы». Они заинтересовали читателей своей правдой, бескомпромиссностью, глубоким проникновением молодого писателя в психологию простого человека, реализмом изображения. Писатель не приукрашивал суровых, а иногда жестоких событий: так было, и он был свидетелем и очевидцем, непосредственным участником происходящего. Так было и со многими другими молодыми авторами в те годы. «Мы,— вспоминал впоследствии А. А. Фадеев,— входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему»¹.

Опираясь на «личный опыт жизни, свою индивидуальность», молодой Шолохов явился выразителем того, что волновало в те годы, что отвечало требованиям времени. И эта великая правда жизни, что взволновала и так покорила читателей «Донских рассказов», широкими картинами встала затем на страницах его романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Эти романы проникнуты духом времени, являются художественными документами эпохи.

Власть реакционных казачьих традиций осложняет жизнь и искажает представление о действительности не только Григорию Мелехову — одному из главных героев «Тихого Дона». Вековая вражда с «иногород-

ними», жестокие, зверские расправы с «хохлами», семейные драки, убийства — все воспринимается казаками как должное. «Что из того, что муж, заложив руки за спину, охаживает собственную жену сапогами?.. Шел мимо безрукий Алешка Шамиль, поглядел, поморгал и раздвинул куластую бородавку улыбкой: очень даже понятно, за что жалует Степан свою законную»². И не просто было бороться с казачьей «исключительностью», культивируемой царским правительством в течение веков; не сразу и не все казаки пошли за «своими большевиками», не сразу поняли, с кем по пути трудовому казачеству.

Если «Донские рассказы» писателя были своеобразными художественными набросками, вступлением в тему, то его романы — эпические полотна о событиях, разворачивавшихся на Дону, монументальные картины жизни трудящихся на протяжении длительного исторического периода, наполненного бурными событиями: мирный труд казачьих хуторов и станиц накануне империалистической войны, война со всей ее жуткой бессмысленностью, революция, гражданская война и борьба за становление и укрепление нового строя.

По-прежнему в центре авторского повествования — народ, изображая который писатель-реалист сумел подняться до глубоких исторических обобщений, сумел разрешить сложнейшие вопросы времени, сумел показать, что судьба народа-труженика определена победой Октябрьской революции, разрушившей старый, патриархально-обособленный быт донских казаков. По мере развития событий в среде казачества зреют новые взгляды, основная его масса рвет путы сословных предрассудков, среди казаков растет революционная убежденность, а из массы казачества вырастают преданные делу революции коммунисты.

Новое утверждается в борьбе не без потерь. Гибнут Подтелков, Бунчук, Иван Алексеевич, убивают Штокмана, Давыдова, Нагульнова, но на смену им из среды того же казачества встают новые бесстрашные бойцы-коммунисты, возглавляют Советы и колхозы на хуторах и в станицах тихого Дона. «Да ты нас не агитируй! — заявляет Павел Любишкин двадцатипяти тысячнику Семену Давыдову. — Чего ты нас за Советскую власть агитируешь? Мы ее в войну сами на ноги становили» (6, 31).

Когда началась Великая Отечественная война, писатель-коммунист М. А. Шолохов идет на фронт. Газеты печатают одну за другой его военные корреспонденции, публикуются отрывки романа «Они сражались за Родину», появляется его «Наука ненависти» — гневное обвинение фашизма, призыв к его уничтожению. Служение своему народу для М. А. Шолохова — не только радость творчества, это и твердая гражданская позиция. Поэтому нельзя рассматривать творчество писателя в отрыве от всей его деятельности, его жизненных установок, взглядов, партийности его произведений. Получая почетный знак «50 лет пребывания в КПСС», он отмечал, что всегда «связывал свою творческую и жизненную судьбу с партией, с народом»³, а на вопросы зарубежных корреспондентов, не мешает ли писательскому труду общественная работа, отвечал: «Наоборот! Способствует!»

Уже стали крылатыми слова М. Шолохова, сказанные им на 2-м Всесоюзном съезде писателей: «О нас, советских писателях, враги за рубежом говорят, будто мы пишем по указке партии; каждый из нас пишет по указке сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством» (8, 305).

Советский народ по достоинству оценил творчество великого писателя, удостоив его высших правительственных наград и званий. Имя Михаила Александровича Шолохова пользуется всемирной известностью. Его книги за рубежом — это не только история донских хуторов Татарского и Гремячего Лога. Это история народа, победившего в революции и ставшего на путь строительства новой жизни. «Судьба человека» — это не только судьба Андрея Соколова, это судьбы многих советских людей, вынесших в годы войны все тяготы и лишения, не сломленных горем, не склонивших головы перед врагом и спасших мир от фашистской чумы.

«Главная заслуга Шолохова,— отмечает Джеймс Олдридж,— заключается в том, что он открыл для миллионов людей на нашей планете окно в незнакомый и необыкновенный мир — жизнь Советской страны во всем ее богатстве и многообразии»⁴. Книги писателя несут зарубежному читателю опыт борьбы и социалистического преобразования жизни. В приветственном адресе Лейпцигского университета по случаю присуждения М. А. Шолохову почетной докторской степени говорится, что творчество писателя «...явилось одним из первых сильных художественных стимулов для построения новой, демократической немецкой культуры», а французская «Юманите» называла «Поднятую целину» революционным произведением, заслуживающим того, чтобы его читали широкие массы, которые найдут в нем не только песнь о борьбе, но и оружие борьбы»⁵.

Творчество М. А. Шолохова отличается высоким языковым мастерством. Как подлинный художник, писатель прекрасно понимал, что самая высокая идея, вдохновившая писателя, только тогда по-настоящему овладевает умом и сердцем читателя, когда она облекается в высокохудожественную форму. Этому правилу писатель следовал на протяжении всего творчества. Одним же из условий самосовершенствования М. А. Шолохов считал учебу у классиков, с одной стороны, а с другой — общение с живым, образным словом народа. Именно поэтому в произведениях писателя искусно соединены простота с высокой культурой, точность с предельным лаконизмом, образность с чарующей поэтичностью, мягкая песенная задушевность с чеканностью фразы. Именно поэтому в каждой строчке его произведений глубина психологизма и живость чувств, мастерство живописца в пейзажных зарисовках, от которых, кажется, исходит аромат вишневых садов, донских седых степей, весеннего снега и нагретой солнцем земли.

У народа брал он песенно-сказочные, лирические интонации своих авторских отступлений. «Травой зарастают могилы,— давностью зарастает боль. Ветер зализал следы ушедших,— время залижет и кровавую боль и память тех, кто не дождался родимых и не дожидается, потому что коротка человеческая жизнь и не много всем нам суждено истоптать травы...» (4, 195).

К живому образному слову народа призывал прислушиваться писатель молодых авторов, к песням народным, пословицам и поговоркам. «Величайшее богатство народа,— говорил он,— его язык! И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах» (8, 339), являющихся, по мнению писателя, «источником неисчерпаемых богатств нашей отечественной культуры», источником изучения «великого и могучего языка нашего» (8, 340).

Призывая к постоянной работе над словом, М. А. Шолохов одновременно подчеркивал и необходимость изучения жизни, фактов. Он говорил, что перед каждым пишущим, «начинающим и не начинающим,— прежде всего стоит задача освоения материала» (8, 112). Отношение писателя к молодым начинающим авторам всегда было беспредельно бережным и внимательным, суровая требовательность сочетались у него с истинно отцовской заботливостью. Выступая на III съезде писателей Казахстана, он говорил: «Мне рассказывали, как беркут воспитывает своих птенцов, когда они начинают летать. Подняв их на крыло, он не дает им опускаться, а заставляет набирать высоту и гоняет там до полного изнеможения, заставляя подниматься все выше и выше. Только при таком способе воспитания повзрослевший беркут научится парить в поднебесье... Своих молодых писателей мы должны учить таким же способом, должны заставлять их подниматься все выше и выше... Но беркут не ломает крыльев своим птенцам, не умеющим или боящимся на первых порах подняться на должную высоту. Наша критика не должна и не имеет права «ломать крылья» начинающим писателям» (8, 291).

«Наш Михаил Александрович!» — называли его миллионы советских читателей, гордые своим современником, певцом родной земли. Его называли сыном тихого Дона, а он был сыном земли Русской, и творчество его служило и будет служить советскому народу.

¹ Фадеев А. А. Собр. соч. в пяти томах. — М., 1959—1961, т. 4, с. 525.

² Шолохов М. А. Собр. соч. в восьми томах. — М., 1956—1960, т. 2, с. 69. Далее в тексте статьи цифры в скобках обозначают том и страницу этого издания.

³ См.: Правда, 1982, 30 октября.

⁴ См.: Литературная газета, 1975, 1 января.

⁵ См.: Литературная газета, 1965, 11 января.

И. Н. КАРЯСОВА

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «РОДИНЫ И ЧУЖБИНЫ» А. ТВАРДОВСКОГО

«Родина и чужбина» (впервые опубликованная в 11 и 12-м номерах журнала «Знамя» за 1947 год) имеет подзаголовок «Страницы записной книжки». Подзаголовок дает лишь самое общее представление о жанровых особенностях произведения, namного переросшего жанровые рамки беглых записей, делавшихся во фронтовой обстановке, «без отлучки от колес». С точки зрения истории создания «Родина и чужбина» — подлинная, нерестааврированная записная книжка, «проза именно документальной дорожной записи, дневника»¹. В книгу писатель включил также некоторые свои очерки и корреспонденции, печатавшиеся в годы войны во фронтовой газете «Красноармейская правда».

В «Родине и чужбине» немало образцов «оперативного» стиля, с которым наиболее тесно связывается понятие «записная книжка»; в военном же дневнике — в каноническом его виде — репортажность, острая изобразительность вообще является жанрообразующим началом. Однако личность автора этих записей наложила мощный отпечаток как на содержание, так и на жанровую структуру дневниковой книги. Записи «Родины и чужбины», не являясь ни рабочими заготовками для военных корреспонденций, ни материалом для художественной работы (сам писатель так определяет их характер: «Записи мои — не дневник, но и не что-нибудь строго рабочее, предназначенное к делу»²), представляют собой нечто цельное и самоценное и имеют, кроме летописного, безусловно художественное значение.

Художественность не противопоставлена дневниковому жанру как разновидности документальной литературы, наоборот, дневник предполагает эстетическую значимость своего содержания и, во всяком случае, оценивается по той же шкале эстетических ценностей, что и любое художественное произведение. Одна из самых гибких жанровых форм, дневник-записная книжка по природе своей синтетична, структурна и способна адекватно отразить любое содержание, актуализировать любые его аспекты. Но уникальные, «энциклопедические» возможности дневниковой формы не могут быть использованы автоматически.

В чем заключается эстетическая значимость «Родины и чужбины» и в чем одновременно состоит уникальность этой записной книжки? В э п и ч н о с т и — осознанном историзме взгляда, позволяющем писателю воспроизводить конкретную ситуацию войны в национально-историческом аспекте. В «оперативной» форме военного дневника Твардовский реализует возможность осознания событий войны как этапа исторического времени, одной из составляющих национальной жизни, наконец, как драматических обстоятельств, не подавляющих ни в народе в целом, ни в отдельном человеке всеобщих сил их деятельности (Родина, труд, дом, семья). Эта особенность дневниковой книги Твардовского впервые выявлена Н. Банк³. Актуализация же (выделение в проблематику) в рамках той или иной темы ее национально-исторического аспекта обуславливает, по Г. Н. Пospelову, национально-историческое жанровое содержание произведения⁴. Основываясь на этой теории, мы относим «Родину и чужбину» к национально-исторической группе жанров. Отмеченная уже уникальность записной книжки Твардовского состоит в том, что здесь национально-историческая проблематика воплощена в дневниковой форме, с ее кратчайшим расстоянием от поэтики жанра до действительности, к тому же